

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1974

Е.А. Давидович

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДАУЛАТШАХА
О РАЗМЕРАХ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ ПРИ УЛУГБЕКЕ

Внимание историков давно привлекло интересное, но еще не истолкованное в полной мере свидетельство Даулатшаха о размерах земельной ренты при Улугбеке¹.

کویند که بعد او از یکجریب زمین که چهار خروار محمول حاصل او بوده چهار
دانک فلوس مال وخراج می گرفته اند که بحساب دراهم نقره یکدانک باشد.

В.В. Бартольд², не случайно, видимо, не приводя дословного перевода этого отрывка, его конкретное значение истолковал таким образом: "По этому тексту, с одного джериба земли (1/8 десятины), доставляющего четыре ослиных ноши (около 20 пудов) зерна, взимали 2/3 дирхема медью, что составляло 1/8 дирхема серебром".

Б.А. Ахмедов³ из текста Даулатшаха выводит, что харадж с джариба земли равнялся одной серебряной тенге (при джарибе в 0,4 га).

О.Д. Чехович⁴ опубликовала перевод рассматриваемого отрывка: "Говорят, что в его время с каждого джериба земли, дающего урожай в четыре харвара, брали четыре данга медью в качестве налогов "мал" и "харадж". Это составляет один данг серебряными дирхемами". О.Д. Чехович имела возможность пользоваться нумизматическими данными о разном значении слова "данг" (которые во времена В.В. Бартольда не были известны), поэтому ее перевод требует только одной поправки и реального нумизматического комментария.

Для истолкования этого текста необходимо учесть конкретное значение в монетном деле Средней Азии XV в. таких терминов, как "адли", "динар", "фулюс", "данг"⁵, "дирхем", "теньга" и "теньгача", а также некоторые особенности денежного хозяйства этого столетия⁶

В XV-XVI вв. обращались медные монеты нескольких достоинств. Основной медный номинал в XV в. назывался "адли", в XVI в. - "динар". Почему, как и когда произошла смена названий? Последняя четверть XV в., особенно последнее десятилетие, характеризуется совершенно безудержной эксплуатацией монетной регалии. Из чекана и обращения в первую очередь медных монет удельные владельцы и центральная власть разными способами старались извлечь максимум доходов. Это привело к серьезному кризису обращения медных монет, для ликвидации которого впоследствии были проведены реформы. Но в данной связи важно, что безудержная эксплуатация и кризис дискредитировали в глазах населения не только сами монеты - "инфляцию" вместе с монетами переживали и их названия.

Как раз в то время, когда Даулатшах написал свой труд (1487 г.), и происходила большая терминологическая ломка - слово "адли", служившее при Улугбеке собственным наименованием основного медного номинала, было "понижено" в ранге; этим словом стали называть медную монету меньшего достоинства. Основной медный номинал уже начали называть "динаром", но тут еще не было ясности, так как в это же время динаром продолжали называть и мелкую серебряную монетку. И не могло быть уверенности, что слово "динар" покинет сферу серебра и окончательно закрепится только за медью; это произошло много позднее того года, в котором Даулатшах записал рассматриваемое свидетельство о земельной ренте при Улугбеке.

Слово "фулюс" (мн. ч. от "фельс") само по себе тоже не годилось в качестве наименования основного медного номинала, поскольку этим словом в XV-XVI вв. называли любую медную монету любого достоинства. Если в монетных надписях или в юридических документах хотели пояснить номинал монеты, названной фулюсом, прибегали к дополнительным терминологическим или описательным характеристикам. В данной связи очень существенно, что слово "фулюс" получило и второе употребление, в качестве эпитета-определителя. Например, на монетах начала XVI в. и в юридических документах этого столетия встречается выражение **دينار فلوس**, означающее, что это "динар медный". К началу XVI в. слово "динар" все прочнее прикрепляется к основному медному номиналу. Но Даулатшах, если он имел в виду основной номинал и хотел быть точным, не должен был в 1487 г. употребить это слово, потому что оно еще не было привычным. А уместное при описании улугбековских монет слово "адли" он уже не мог употребить, так как оно к 1487 г. было дискредитировано.

Но для определения основного медного номинала в XV-XVI вв. употреблялось еще одно слово. Самое общее и вместе с тем самое частное, слово это не было собственным наименованием медных монет, но приложимо было только к основному номиналу и не было подвержено "инфляциям". Это слово **دانك**, чаще в форме **دانكى**.

Основное значение слова "данг" - это одна шестая часть любой другой величины. В средневековой Средней Азии слово "данг" в этом смысле нашло самое широкое употребление. В монетном деле XV-XVI вв. оно использовалось для определения веса монет и курсового соотношения между монетами разного достоинства или разного металла. Применительно к медным монетам это слово означало, что речь идет об основном

медном номинале, который сначала равнялся шестой части мелкой серебряной монеты. Иначе говоря, слово "данг" выражало достоинство основного медного номинала через другие монеты.

В пору, когда термин "адли" сходил со сцены, а термин "динар" еще не завоевал прочного места в номенклатуре медных монет, наилучшим, т.е. наиболее кратким и в то же время исчерпывающим, определением основного медного номинала теоретически следует признать два выражения из двух слов: **فلوس دانگی** "медная монета [достоинством в] данг" или **دانك فلوس** "[монета достоинством в]данг, медная".

Употребление слова "фулюс" в двух таких позициях зафиксировано монетными надписями и письменными источниками (см. выше). А оба теоретически сконструированных выражения из двух слов, оказывается, тоже встречаются. Первое, т.е.

فلوس دانگی, нам известно по медным монетам Герата и Мерва начала XVI в. А однозначное второе выражение, т.е. **دانك فلوس**, как раз и употребил Даулатшах в 1487 г.

Итак, наиболее трудная часть текста Даулатшаха:

چهار دانك فلوس - означает "четыре медные монеты, достоинством в данг [каждая]". Перевод на терминологию времени Улугбека позволяет заключить, что речь идет о четырех медных монетах "адли".

По второму подсчету Даулатшаха, рента составляла 1/8 серебряного "дирхема". Следовательно, 1/8 серебряного "дирхема" во времена Улугбека равнялась четырем медным монетам "адли", а целый серебряный "дирхем" - $8 \times 4 = 24$ медным монетам "адли".

Что же в данном случае подразумевалось под словом "дирхем"? Когда-то оно использовалось как название именно серебряных монет. В пору серебряного кризиса, который в

Средней Азии продолжался особенно долго (с начала XI в. и до реформы Мас'уд-бека, начатой в 1270 г.), термин этот появлялся на монетах разного металла, от низкопробных серебряных до чисто бронзовых, лишь сверху покрытых тонким слоем серебра. А в XV в. в Средней Азии оно стало уже по существу литературным пережитком. В реальном же денежном хозяйстве и в быту употреблялись другие слова для обозначения серебряных монет разного достоинства. В силу этих обстоятельств употребление термина "дирхем" требовало некоторого уточнения, которое Даулатшах и не преминул ввести, подчеркнув, что речь идет о серебряных "дирхемах".

Основной крупный серебряный номинал в XV в. назывался **تنگه** и **تنگچه** (теньга и теньгача). При Улугбеке главой государства был Шахрух, теньги с его именем получили название "шахруховых тенег". Естественно предположить, что под "серебряными дирхемами" Даулатшаха подразумевались именно эти серебряные теньги. За свою высокопробность и поливесность они были весьма популярны как при жизни Шахруха, так и после его смерти. В документах XV в. их проба обозначалась чаще всего так: **بمبارده ده** "по пробе - десяти-десятью"⁷. Такая "десятичная" форма фиксации пробы широко применялась в средневековых Иране и Средней Азии. Нам уже приходилось рассматривать этот вопрос для XV—XVIII вв., сопоставляя аналогичные свидетельства юридических документов и других письменных источников с реальной пробой самих монет⁸. "Десяти-десятая" проба означала, что современники считали монеты Шахруха сделанными из чистого серебра, без всяких примесей. Мы произвели определение качества серебра в монетах Шахруха двумя методами. Пробирование во всех случаях дало одинаковый результат: проба 980. Количественный химический анализ выявил небольшие колебания (вполне объяс-

2-4 64

нимые недостаточно высокой техникой очистки серебра-металла); наилучшие результаты - 98-99% чистого серебра.

Что касается веса тенег Шахруха, то - если верить документам - в его чекане было использовано не менее двух весовых стандартов. Во многих документах, когда в тексте прямо названы "шахруховые" теньги, их вес обозначен следующим образом: *بوزن يكمنقال دانك* "по весу - мискаль и данг [мискаля]"⁹. Данг - это 1/8 мискаля, следовательно, указанной вес этих "шахруховых" тенег равнялся 7/8 или 14/12 мискаля. В документе 845 г.х. назван другой вес: *بوزن يكمنقال نيم دانك* "по весу - мискаль и полданга [мискаля]"¹⁰, т.е. 13/12 мискаля¹¹.

В разных областях и городах государства Тимуридов были, конечно, свои мискали. Какой из местных мискалей был признан общегосударственным и положен в основу монетного чекана при Шахрухе, нам неизвестно. На этот вопрос легко мог бы ответить реальный и средний вес самих тенег Шахруха, если бы они были чеканены по одному весовому стандарту. Но два весовых стандарта, зафиксированных документами, требуют изучения веса отдельно для каждого монетного двора и отдельно для каждого года выпуска, чтобы установить, был ли весовой стандарт на каком-то этапе изменен для всех монетных дворов, или же разные монетные дворы в одно время чеканили монеты по разным весовым стандартам. Для такого анализа веса мы не располагаем сейчас достаточным количеством весовых данных по каждому городу и за каждый год. Однако некоторые косвенные соображения могут быть высказаны.

В 1507 г. Шейбани-хан провел денежную реформу. Для новых монет с его именем был назначен весовой стандарт в мискаль и полданга мискаля (т.е. это один из весовых стан-

дартов тенег Шахруха!), причем за основу был взят мискаль в 4,8 г, так что указной вес тенег Шейбани-хана был равен 5,2 г¹².

Денежная реформа Шейбани-хана была важнейшим компонентом его внутренней политики, направленной на то, чтобы привлечь на свою сторону торгово-феодальные слои оседлого населения вновь завоеванных территорий. Реформа была обнародована в Герате - первой столице Тимуридов - сразу после взятия города. Шейбани-хан спешил показать свою заботу и понимание нужд торговли, а в торговле были заинтересованы самые различные слои общества, от простых ремесленников до крупных феодалов и духовенства.

Такая задача реформы требовала учета психологического фактора, учета традиций и привычек. Поэтому не праздными выглядят два вопроса:

1) новым ли для населения тимуридского государства (особенно для гератцев) был мискаль в 4,8 г как основа монетного чекана?

2) случайным ли было совпадение весового стандарта тенег Шейбани-хана с одним из весовых стандартов Шахруха (мискаль и полданга мискаля)?

Реформа Шейбани-хана разрешила дальнейшее обращение старых тимуридских серебряных монет, весивших один мискаль, и установила определенное курсовое отношение между ними и новыми монетами самого Шейбани-хана, чеканенными с его именем и имевшими более высокий вес (мискаль и полданга). Реформу описывают Мирхонд и Хондемир. Из контекста ясно, что в обоих случаях речь идет о мискале одного размера, что полностью и подтверждается изучением веса тенег последнего крупного Тимурида, Султан-Хусейна Байкары. Гистограмма веса его монет, хранящихся в ГИМ (Мо-

сква), дала средний вес в 4,7 г, что - с учетом средней нормы потертости - как раз и отвечает весовому стандарту в 4,8 г. Следовательно, Шайбани-хан при проведении реформы в основу чекана положил не новый мискаль, а именно тот, который был в основе монетного дела последних Тимуридов, т.е. повторил привычную для населения традицию.

Если же в основе серебряного монетного чекана последних Тимуридов был мискаль в 4,8 г, то необходимо рассмотреть, не этот ли самый мискаль был в основе серебряного чекана и Шахруха. При мискале в 4,8 г два весовых стандарта его серебряных тенег должны были бы равняться: мискаль и данг мискаля - 5,6 г; мискаль и полданга мискаля - 5,2 г. В пользу такого решения свидетельствуют следующие моменты:

1. Среди монет Шахруха заметно выделяется в количественном отношении группа разногородних тенег, средний вес которых на составленной нами гистограмме равен 5,0-5,1 г, что вполне отвечает меньшему из двух весовых стандартов Шахруха, т.е. 5,2 г (мискаль и полданга мискаля)¹³.

2. Такое совпадение указного веса (5,2 г), полученного двумя методами (на основе реального среднего веса большой группы монет Шахруха и путем расчета через мискаль в 4,8 г), становится особенно существенным в свете последующей традиции, так как последние Тимуриды использовали в монетном деле именно этот мискаль в 4,8 г.

3. Весовой стандарт, избранный Шейбани-ханом, получил бы в этом случае убедительное объяснение. Повысив вес своих серебряных тенег на полданга (0,4 г) по сравнению с одномискальными теньгами последних Тимуридов (4,8 г), Шейбани-хан вернулся к одному из весовых стандартов столь популярных "шахруховых" тенег, что как нельзя лучше отвечало общему духу и назначению его реформы.

Не решая окончательно вопроса о размерах мискаля, положенного Шахрухом в основу чекана его серебряных монет, можно, однако, считать весьма правдоподобным, что это был мискаль в 4,8 г, занимавший такие прочные позиции в монетном деле государства Тимуридов последующего времени, а в Средней Азии - вплоть до XIX в.

Итак, "шахруховы" теньги чеканили по разным (минимум двум) весовым стандартам. Информаторы Даулатшаха имели в виду те "шахруховы" теньги, которые равнялись 24 медным монетам. Сейчас не представляется возможным решить, равнялись ли 24 медным монетам теньги, весившие мискаль и полданга или мискаль и данг. В данной связи важно, что подразумевались изготовленные из чистого серебра "теньги шахрухи", указной вес которых в любом случае был выше мискаля (скорее всего, 5,2 г или 5,6 г).

На основе всего сказанного можно предложить следующий перевод-толкование разбираемого текста Даулатшаха: "Говорят, что в его время с каждого джариба земли, дающего урожай в четыре харвара, мал и харадж брали в размере четырех медных монет, достоинством в данг каждая (т.е. основной медный номинал "с'адли". - Е.Д.), что при счете на серебряные монеты составляет одну шестую часть (шахруховой теньги из чистого серебра весом в мискаль с полудангом или дангом. - Е.Д.)".

Для оценки этого размера земельной ренты с точки зрения степени эксплуатации крестьянства при Улугбеке историки не располагали прямыми данными. Однако они оказались достаточно единодушными в понимании внутреннего смысла свидетельства Даулатшаха.

В.В.Бартольд по этому поводу заметил следующее: "Еще меньше мы знаем о том, каково было в царствование Улугбека

положение народных масс. По Даулетшаху, земельные подати в его царствование были доведены до минимума, что, конечно, содействовало благосостоянию земледельческого населения¹⁴.

Позиция Б.А. Ахмедова не совсем ясна, ибо сначала он категорически не соглашается с В.В. Бартольдом в том, что при Улугбеке налог был доведен до минимума; потом признает этот вывод, но с оговоркой, что это было временное явление: "...вряд ли при Улугбеке земельные подати были доведены до минимума", как утверждает В.В. Бартольд, основываясь на данных Даулетшаха. И действительно, как у Даулетшаха, так и в исторических трудах более поздних авторов встречаем сведения о низком размере основного сельскохозяйственного налога - хараджа в период правления Улугбека. Согласно этим источникам, размер налога харадж с одного джериба земли составлял одну серебряную теньгу. Допустим, что и на самом деле было так. Но нам неизвестно, какова была такса по отношению к другим сельскохозяйственным налогам и когда именно был установлен указанный размер хараджа. Думается, что это было временным явлением, и подобная такса на харадж существовала только в годы борьбы Улугбека с Шейх Нуруддином - 813 г.х. (1410-1411 гг.), или же после 830 г.х. (1427 г.), когда росло недовольство народных масс в связи с поражением Улугбека в борьбе с кочевыми народами¹⁵.

О.Д. Чехович сформулировала свое понимание этого отрыва Даулатшаха следующим образом: "Поскольку у нас нет сведений об уровне цен в XV в. на продукты и товары массового потребления, мы не можем определить степень (или норму) эксплуатации крестьян Мавераннахра при Улугбеке. Но во всяком случае из Даулетшаха ясно, что в его время, т.е. во

второй половине XV в., с крестьян взимали гораздо больше того, что составлял сельскохозяйственный налог при Улугбеке. С похвалой отзываясь о правилах, которых придерживался Улугбек в деле управления страной, Давлет-шах, очевидно, имеет в виду именно умеренность во взимании налогов с крестьян¹⁶.

Вопрос о размере земельной ренты и степени эксплуатации крестьян при Улугбеке заслуживает специального исследования, которое — при отсутствии в настоящее время прямых данных — может базироваться на выявлении и анализе косвенных показателей. Для этой цели, возможно, небесполезными окажутся и следующие материалы, подтверждающие мысль В.В.Бартольда, О.Д.Чехович и Б.А.Ахмедова о том, что размер земельной ренты при Улугбеке был меньше обычного.

Данные о дневном заработке и прожиточном минимуме некоторых представителей низко- и даже среднеоплачиваемых профессий позволяют составить некоторое представление о реальных размерах земельной ренты, названной Даулатшахом. В этой связи интересна оплата имамов, муэззинов, уборщиков, чтецов Корана и др. при медресе, мечетях или мавзолеях, так как эти лица могли свои обязанности выполнять только в одном месте, что должен был учитывать вакфодатель, назначая им вознаграждение. В тех случаях, когда вакфодатель предусматривал оплату деньгами или смешанно, деньгами и зерном, пересчет на однодневную норму дает следующие цифры.

Согласно вакф-наме 868/1488-89 г., в пользу мавзолея Ишратхана в Самарканде¹⁷: чтецу Корана — одна медная монета; одинокому рабу — около трети медной монеты и около 0,85 кг зерна; слуге — 2/3 медной монеты и 1,315 кг зерна; сторожу — чуть более одной медной монеты и 1,096 кг зерна.

Согласно вакф-наме 894/1488-89 г. Ходжа-Ахрара в пользу потомков и обители дервишей в Самарканде¹⁸: имаму - одна медная монета; чтецу Корана - одна медная монета; муэzzину - половина медной монеты¹⁹.

Таким образом, земельная рента с джариба, равная при Улугбеке, согласно Даулатшаху, четырем медным монетам "адли", соответствовала тем самым всего лишь четырехдневной оплате чтеца Корана или имама и восьмидневной оплате муэzzина. Это, безусловно, очень низкая норма земельной ренты.

(С тем, что эта норма - не традиционная, а заниженная, косвенно свидетельствует и такой расчет. В XV в., как в предшествующее и последующее время, харадж был двух категорий: из доли урожая или с измеренной земельной площади, вне зависимости от колебаний урожая. Не совсем ясно, о какой категории пишет Даулатшах. Ссылка на джариб говорит в пользу второй категории, упоминание урожая (4 харвара с джариба) позволяет думать, что в основе обложения была все же доля урожая, лишь пересчитанная на деньги. Фиксированная норма хараджа (т.е. без надбавок, повторных сборов, злоупотреблений чиновников) в XV-XVI вв. составляла 1/3 урожая, или 30%²⁰.

Харадж с площади в денежном выражении должен был соответствовать 1/3 урожая, во всяком случае был не меньше. Таким образом, харадж, названный Даулатшахом с джариба земли при условии, что урожай с этого джариба равен 4 харварам зерна, должен был бы из доли урожая составлять 4/3 харвара. Если исходить из предположения, что Улугбек не уменьшил размер хараджа, т.е. норма, названная Даулатшахом (4 медные монеты "адли", или 1/6 серебряной "шахруховой" теньги), является денежным выражением одной трети урожая, -

это значило бы, что $4/3$ харвара зерна по правительственной таксе того времени стоили 4 медные монеты "адли". Иначе говоря, харвар зерна в этом случае равняется 3 медным монетам, что совершенно невероятно²¹.

Мы не знаем размера харвара в Самарканде XV в. Выявленные средневековые харвары имеют разные размеры, от 83,2 кг до 300 кг²². Даже если взять меньший - в 83,2 кг, окажется, что по правительственной таксе (а правительству выгодно было учитывать дорогие цены на зерно) одна медная монета соответствует 27,71 кг зерна. Автору неизвестны точные хлебные цены времени Улугбека. Но некоторые косвенные расчеты, не дающие точных цен, показывают, однако, их примерные пределы; и эти пределы весьма далеки от равенства 27,71 кг и одной медной монеты.

1. Выше были приведены примеры, когда имам и чтец Корана в XV в. получали ежедневно по одной медной монете. Если бы вознаграждение им было назначено не деньгами, а зерном, оно, следовательно, равнялось бы 27,71 кг в день. Вакфодатели иногда действительно предусматривали вознаграждение именно зерном, но для лиц двух названных профессий в пересчете на ежедневную норму количество зерна не достигало таких огромных размеров.

2. Очень часто вакфодатель назначал смешанное вознаграждение, деньгами и зерном. Если сопоставить денежные оплаты, которые вакфодатель назначал разным лицам, с денежно-зерновыми оплатами лиц тех же профессий, станет ясно, что цены на зерно в XV-XVI вв. лежали совсем в других пределах: в XVI в., например, на одну медную монету в условиях нормальных цен можно было купить не 27,71 кг зерна, а всего 0,5-1,0 кг (ср. также прим. № 21).

Все приведенные косвенные соображения позволяют заключить, что размер земельной ренты, названной Даулатшахом для времени Улугбека, действительно, был много ниже этой традиционной нормы. Так что в целом прав был В.В.Бартольд, полагавший, что "земельные подати в его царствование были доведены до минимума".

Однако столь заниженная земельная рента во всем государстве Улугбека и на протяжении всего длительного времени его царствования едва ли могла просуществовать в силу следующих соображений.

Улугбек мог снизить норму хараджа на государственных землях, а также государственную долю в харадже с мильковых земель на любое время, что уменьшало доходы казны. Но если при этом норма, которую получали с крестьян светские и духовные феодалы, оставалась прежней, — степень эксплуатации крестьянства на землях разных категорий (по праву собственности) оказалась бы слишком различной. Это не осталось бы без реакции со стороны крестьянства. И время Улугбека через несколько десятилетий не рисовалось бы информаторам Даулатшаха временем благоденствия. Если же Улугбек попытался снизить норму хараджа для всех категорий земель, — это самым чувствительным образом задело бы интересы класса феодалов, а Улугбек уже не обладал властью, чтобы на протяжении всего своего правления до такой степени с феодалами не считаться.

Поэтому более правдоподобно вывод В.В.Бартольда о минимальной норме сбора хараджа ограничить хронологически (по Б.А.Ахмедову) и даже, возможно, территориально. Тимур и Тимуриды практиковали кратковременное освобождение отдельных городов и областей от тех или иных налогов. Аналогичным образом Улугбек на какое-то время мог снизить раз-

мер феодальной ренты, например, в Самаркандской области. А потом, по прошествии значительного времени, это превратилось в своего рода "легенду", будто при Улугбеке все время и по всему государству было так. Эту-то "легенду", опирающуюся, однако, на реальный факт, в Самарканде и услышал Даулатшах.

Примечания

¹ Даулатшах, Тазкират аш-шу'ара', литогр., Бомбей, 1887, стр. 158. Почти так же в рук. ИВАН УзССР, № 53 (см.: О.Д.Чехович, Из источников по истории Самарканда XV в., - сб. "Из истории эпохи Улугбека", Ташкент, 1965, стр. 302). Несколько иначе, однако без изменения основного смысла, в рук. ИВАН ТаджССР, № 2666, стр. 410:

مهكويند که در عهد او از يك جريب زمين چهار خوار محصول حاصل مي شد و چهار دانك فلوس مال و خراج مي گرفتند که بحساب دراهم يك دانك نقره باشد .

² В.В.Бартольд, Улугбек и его время, - Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 132, прим. 78.

³ Б.А.Ахмедов, Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в., - сб. "Из истории эпохи Улугбека", Ташкент, 1965, стр. 35.

⁴ О.Д.Чехович, Из источников по истории Самарканда XV в., стр. 303-304.

⁵ Е.А.Давидович, К медным номиналам конца XV-начала XVI вв. по данным чекана Хисара и Кундуза, - Сообщения Таджикского филиала АН СССР, вып. 24, 1950, стр. 39-41; ее же, Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV-XVI вв. и роль надчеканов, - Изв. АН ТаджССР, вып. 3, 1953, стр. 53-61; ее же, Материалы для 3-64

характеристики денежной реформы Улугбека, - сб. "Из истории эпохи Улугбека", Ташкент, 1965, стр. 280-287.

⁶ Е.А. Давидович, Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории Южного Таджикистана в XV в., - сб. "Абдурахман Джами. Эпоха, жизнь и творчество", Душанбе, 1965, стр. 31-50.

⁷ См. документы за 833, 842, 843, 844, 845, 848, 852, 878 гг.х. в издании Данеш Пожуха: محمد تقی دانش پژوه

اسناد آستانه درویش تاج الدین حسن ولی در قریه نیاک از بلوک لاریجان
از شهرستان آمل. [طهران] ۱۳۴۴

В документах № 2, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 15, 24 (нумерация условная, ибо издатель документы не пронумеровал) теньгачи прямо названы "шахруховыми" **شکجه شاهرخي** и описаны подробно, с указанием упомянутой пробы. Знакомством с изданием Данеш Пожуха мы обязаны любезности О.Д. Чехович.

⁸ Е.А. Давидович, История монетного дела Средней Азии ХУІІ-ХУІІІ вв., Душанбе, 1964, стр. 93-100.

⁹ Цит. издание Данеш Пожуха, док. № 2, 5 - 9, 11, 13, 15, 24.

¹⁰ Цит. издание Данеш Пожуха, док. № 10. Так/ на фото (стр. 34), издатель (см. стр. 35) пропустил первое слово - "по весу".

¹¹ В документе № 18 за 853 г.х. (цит. издание Данеш Пожуха, стр. 50-51) упомянут третий весовой стандарт - **مقال دانك نیم** (у издателя на стр. 51 слово "ним" пропущено), т.е. 15/12 мискаля, но теньги в данном случае "шахруховыми" не названы.

¹² Е.А. Давидович, Денежная реформа Шейбани-хана, - Труды АН ТаджССР, т. 12, 1954, стр. 85 и далее. И впоследствии, на протяжении XV-XIX вв., в Средней Азии именно этот мискаль в 4,8 г являлся основой монетного чекана и, кроме того, был одной из общесреднеазиатских весовых единиц (Е.А. Давидович, Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, стр. 94-95).

¹³ Мискаль в 4,8 г, столь употребительный в Средней Азии XV-XIX вв., для Ирана в литературе не упоминается, но иранские мискали вообще изучены плохо. Возможно, именно Тимуриды этот среднеазиатский мискаль в 4,8 г ввели в употребление и в Иране. Из упомянутых в литературе мискалей средневекового Ирана (см.: Мухаммад-Али Имам-и Шустари, Та'рих-и микйасат ва нукуд дар хукумат-и ислами, Тегеран, 1339 х.с., стр. 45, 54; В.Хинц, Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему, М., 1970, стр. 15-16) в данной связи интересен только один - 4,46 г.

Два весовых стандарта Шахруха от этого мискаля дали бы следующие величины: мискаль с дангом - 5,2 г, мискаль с полудангом - 4,83 г. Но если бы в основе чекана Шахруха был этот мискаль в 4,46 г, это значило бы, что последние Тимуриды разорвали традицию и избрали другой мискаль - в 4,8 г. Само по себе это возможно, если бы не нелепое совпадение: оказалось бы, что "шахруховы" монеты в мискаль с полудангом и позднетимуридские в один мискаль по весу равны, а их весовые определения - различны.

Иначе говоря, такая смена мискалей лишена всякого смысла и внесла бы только путаницу, что заставляет отказаться от варианта с мискалем в 4,46 г.

¹⁴ В.В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 132.

- 15 Б.А.Ахмедов, Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра..., стр. 35.
- 16 О.Д.Чехович, Из источников по истории Самарканда ХУ в., стр. 304.
- 17 В.Л.Вяткин, Вакуфный документ Ишратхана, - "Мавзолей Ишратхана", Ташкент, 1958, стр. 127.
- 18 ЦГИА УзССР, фонд 323, док. № 1201/1.
- 19 Ср. размер оплаты в ХУ1 в.: Е.А.Давидович, О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии, - ИА, 1965, № 6, стр.84-85.
- 20 Е.А.Давидович, Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии ХУ1 в., - Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР, 1961, вып. 1 (24), стр. 28-33; Г.Н.Махмудов, Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в Х1У-ХУ вв., Душанбе, 1966, стр. 75.
- 21 Ср.: в 1689 г. в Балхе дешевизна достигла такой степени, что цена харвара пшеницы упала до 40 тенег (Мухаммед Юсуф мунши, Муким-ханская история, перевод А.А.Семенова, Ташкент, 1956, стр. 158). В конце ХУ11 в. обращались теньги разного достоинства и пробы, но чаще всего - низкопробные, содержавшие 30, 25 или 22,5% серебра. Подразумевались, конечно, именно эти практически наиболее употребительные теньги. Если взять даже самые низкопробные из них (22,5% серебра), можно сделать такой расчет. Не останавливаясь здесь на всех сложностях денежного обращения в ХУ11 в., отметим лишь следующее. Высокопробные серебряные теньги считались равными тридцати медным монетам (медным динарам). Низкопробные теньги имели принудительный курс, пока считались

"новыми", попадая же в разряд "старых", получали курс, соответствующий их пробе. Иначе говоря, рассматриваемые теньги (22,5% серебра), будучи "старыми", равнялись бы примерно 7 медным динарам, а 40 таких тенег - 280 медным динарам. Это значит, что в 1889 г. при невероятной дешевизне харвар пшеницы стоил минимум 280!!/ медных динаров.

²² В.Хинц, Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему, стр. 42-43; Е.А.Давидович, Материалы по метрологии Средней Азии, стр. 105-106.